

Ле Кампион
Валентин

14.09.05

Парижский ксилограф с русским характером

Кудрявцев - 2005 -
8-14 сент. - с. 10

Ле Кампион и московская школа гравюры

Валентин Ле Кампион — звучное французское имя этого художника почти неизвестно в России, как и сами его произведения. Тридцать лет тому назад выставка его гравюр на дереве была впервые показана в Эрмитаже, и лишь теперь их можно увидеть и в Москве. Художник работал в Париже в первой половине прошлого века, иллюстрировал книги, главным образом французских писателей, делал экслибрисы и исполнил две серии станковых ксилографий. Одна называется "Старинные корабли", другая — на нравоучительный средневековый сюжет "Пороки и добродетели". В 1952 году Ле Кампион умер, а еще через два десятилетия его вдова подарила Московскому клубу экслибрисов отцов гравюр мужа: она хотела, чтобы мастера знали на его родине.

Тогда в самом деле нашим специалистам имя это ничего не говорило. Не было его и в доступных им архивах. Между тем достаточно было

взглянуть на сами гравюры, чтобы различить в них отчетливые признаки русской, а точнее, московской школы. Так работали в двадцатые и тридцатые годы многочисленные ученики В.А.Фаворского. Заметны в некоторых листах уроки и другого значительного московского мастера — А.И.Кравченко. Председатель клуба, получившего этот щедрый подарок, известный любитель и собиратель графики А.Иваненко рассказывал в своей статье о тщетных поисках следов загадочного русского француза...

Ответ дала подпись на одной из ранних гравюр художника: "Valentin Bitt". Таково было его настоящее русское имя. Псевдоним Ле Кампион — фамилию своей бабки — он взял уже во Франции в начале тридцатых. Москвич Валентин Николаевич Битт родился в 1903 году. Его мать — оперная певица Ольга Гедике, отчим Александр Метнер — тоже из известной музыкальной семьи. Валентин учился

искусству в нескольких студиях и недолго, в 1923 — 1924 годах, — во Вхутемасе. После этого занимался ксилографией в мастерской Алексея Кравченко. В 1927 году он уехал в Париж, где продолжал учиться в Школе изящных искусств.

Гравюру на дереве там преподавал Стефан Паннемакер, старик из знаменитой семьи мастеров репродукционной ксилографии, когда-то переводивший на гравировальные доски еще иллюстрации Гюстава Доре. Но виртуозная по-своему техника этих старых гравюров позволяла, по словам самого Ле Кампиона, "в совершенстве передавать штриховой рисунок тушью, заливку тонами, карандаш, живопись — все, что хотите, потеряв только одно, главное, — единство со шрифтом. Не говоря уже о полном неуважении к единству страницы". Между тем в Москве молодой художник успел усвоить иное понимание задач и возможностей гравюры как самостоятельного

искусства, свойственное уже новому веку. Ее техника "должна диктоваться материалом, которым пользуется мастер". В гравюре "должно давать ощущение формы в движении". "Скульптурное ощущение формы может быть выявлено штрихом независимо от светотени, — говорит он. — Особенно интересные результаты дали достижения русской московской школы под несомненным главенством Фаворского. В России с такими мастерами, как Фаворский и Кравченко, оригинальная гравюра на дереве переживает несомненно период большого взлета (боюсь сказать Renaissance, а думаю)".

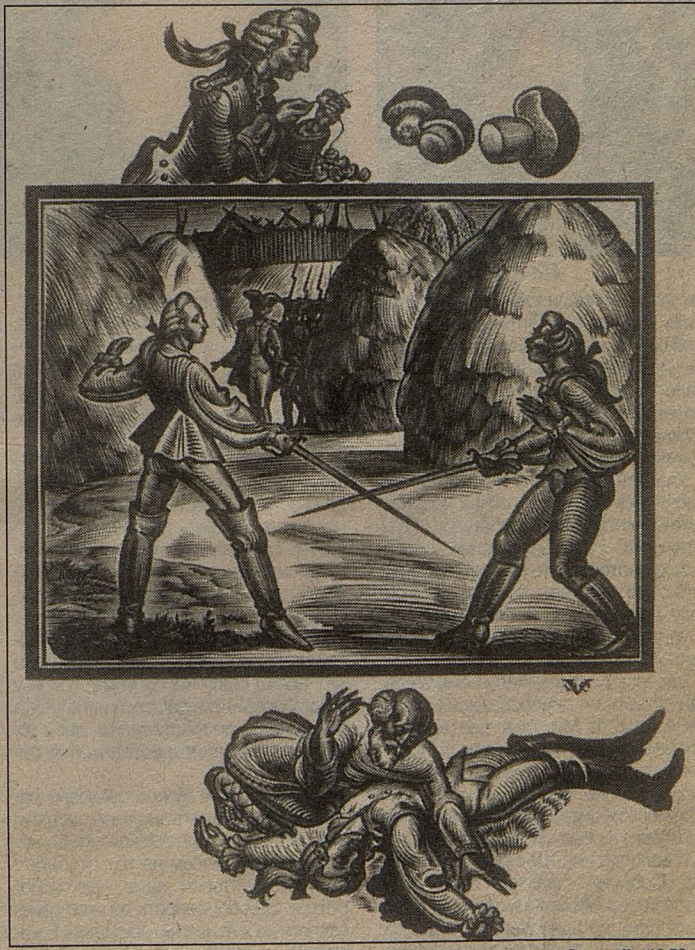
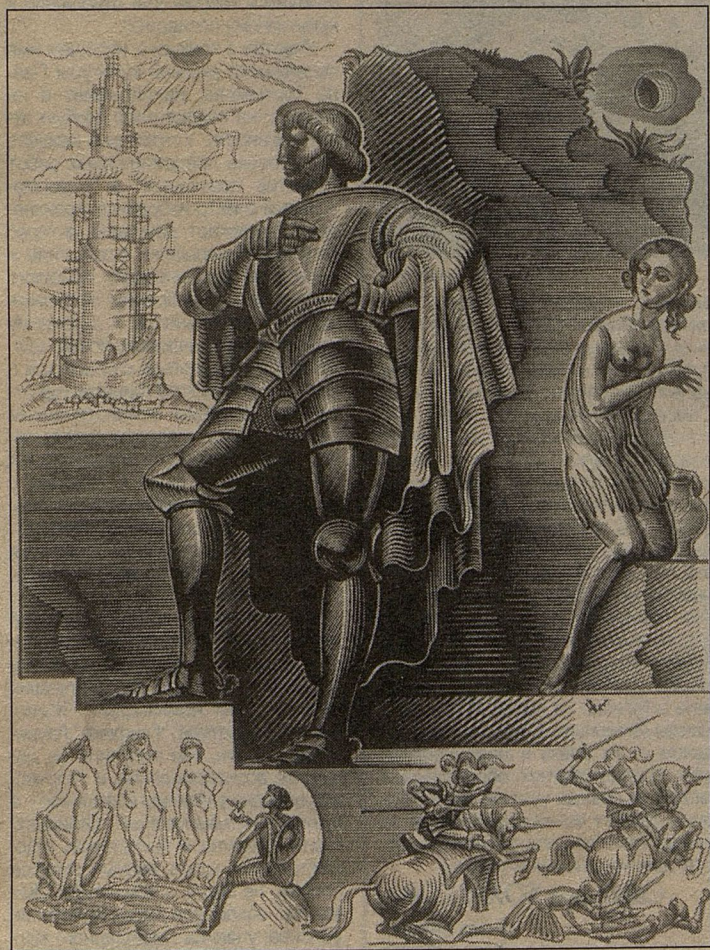
Вот почему Ле Кампион и в Париже сохранил верность этим учителям, остался ксилографом определенно московской школы. Упругая и плотная лепка форм, сочные контрасты черного и белого цвета, ритмическая стройность и характерные приемы построения подвижных, многофигурных композиций роднят его графику с

работами соучеников художника по студии Кравченко и многочисленных мастеров круга Фаворского. А впрочем, исследователи находят в его иллюстрациях отголоски и западноевропейских графических традиций, от маньеризма до классицизма XVII и XVIII веков. Подобные встречи с классикой не были чужды и его московским коллегам.

К русским же темам Ле Кампиону случалось обращаться нечасто. Но последняя его обширная (и, увы, не доведенная до конца) серия иллюстраций посвящена "Капитанской дочке" Пушкина. В этой работе, стилистически восходящей к школе Фаворского, какой она сложилась в тридцатые годы, художник применил композиционный прием, характерный для создателя этой школы. На широкие поля, за рамки основных иллюстраций он вынес расширяющие сферу действия дополнительные фигуры и целые сценки, а также символические виньетки.

Присланные из Парижа в Москву гравюры Ле Кампиона были переданы московским музеям. Их вскоре дополнили работы художника, хранившиеся у его московской родни. Наконец, значительную часть своего собрания госпожа Ле Кампион подарила Государственному Эрмитажу. Так, имя и творчество неизвестного на своей родине художника были возвращены русской культуре, духу которой он был верен и во Франции.

Эта прочная связь мастера с отечественной традицией стала идеей выставки "Ле Кампион и московская школа гравюры", открытой в галерее "ГОСТ". Здесь, в небольшом старинном особняке, одном из немногих сохранившихся донные памятников московского деревянного ампира (Малый Власьевский переулок, 5), осуществляется интересный выставочный проект "Музей графики" — ряд выставок, посвященных малоизвестным, а порой и впервые экспонируемым произведениям русской графики позапрошлого и прошлого веков. Гравюры парижского мастера и подготовительные рисунки к ним показаны здесь в окружении стилистически родственных им работ блестящих московских ксилографов 1920-х и 1930-х годов. Наряду с гравюрами Фаворского и Кравченко представлены листы Павла Павлинова, Николая Пискарева, Михаила Пикова, Андрея Гончарова, Михаила Полякова, Льва Мюльгаупта. К выставке издан альбом, включающий статьи о Ле Кампионе и его связях с московской и западноевропейской классической гравюрой.

В.Ле Кампион. "Гордыня". Ок. 1939 г. (слева). Иллюстрация к повести А.С.Пушкина "Капитанская дочка". 1952 г.

Юрий ГЕРЧУК